

сѣнью одной вины, — не въ гражданскомъ протестѣ, не въ социологіи здѣсь дѣло, а именно въ психологіи.

Или вотъ — полная таланта, юмора, красоты пьеса „Отъ ней всѣ качества“: если бы мы, изъ другого источника, не знали отношенія автора къ алкоголизму, развѣ бы мы уловили въ ней трезвую тенденцію? развѣ не явилась бы передъ нами просто яркая картина непосредственной человѣческой правды? Да она и теперь выступаетъ для нашего эстетическаго воспріятія, эта картина, рождающая глубокое умиленіе; она независима отъ проповѣди, она свободна, и отъ этой свободы, а не отъ водки — всѣ ея качества...

Или — „Живой трупъ“. Хотя и въ этомъ произведеніи Толстой здѣсь и тамъ вспыхиваетъ своими божьими искрами, но въ общемъ оно представляется мнѣ одной изъ наиболѣе слабыхъ, наименѣе пластическихъ и выразительныхъ частей всего посмертнаго собранія. Однако я высоко цѣню эту драму за то, что она на самомъ дѣлѣ высоко поднялась надъ той тенденціей, которую ей обыкновенно приписываютъ, и не умѣщается на той узкой плоскости, которую отводятъ ей комментаторы. Пусть сильны и безпощадны эти слова, обращенныя къ судебному слѣдователю, къ чиновникамъ вообще: „вы, получая 20-го числа по двугривенному за пакость, надѣваете мундиръ...“; пусть и осуждена въ „Живомъ трупѣ“ рутинная общественныхъ учре-